

Кривенко Женни Дмитриевна
Zheny Krivenko

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра народного
исполнительского искусства МГИМ имени А.Г. Шнитке
Ph. D. in Pedagogics, Associate Professor, Department of folk performance art
Schnittke Moscow State Institute of Music
e-mail: zhkri@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА (К АНАЛИЗУ ВНУТРЕННЕЙ РЕАЛЬНОСТИ ОБРЯДОВОГО ТВОРЧЕСТВА)

**Song folklore content formation and development
(to analysis of ritual creativity inner reality)**

Ключевые слова: песенный фольклор, внутренняя реальность, обрядовое творчество, интрореализм, музыкальное содержание, бессознательное, мотивационное пространство, гомеостаз.

Keywords: song folklore, inner reality, ceremonial creativity, introrealism, musical content, unconscious, motivational space, homeostasis.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы внутреннего содержания обрядового песенного фольклора, которое образует внутреннюю реальность, проявляющуюся затем в процессе обрядового действия. Термин «интрореализм» применяется к традиционному народно-песенному творчеству, позволяя изучать различные аспекты проявления сознательного и бессознательного, субъективного и объективного, структуру тех уровней сознания, которые связаны с духовным, природно-космическим, общинным и семейным уровнями мышления и существования жителей традиционной русской деревни.

Abstract. The article deals with issues related to the internal content of the ritual song folklore. This content forms an inner reality, which then manifests itself in the process of singing and ceremonial action, which together constitute a holistic ritual reality. The term “introrealism” is applied to traditional folk song creation, allowing you to study various aspects of the conscious and unconscious manifestation, subjective and objective, as well as the structure of consciousness those levels that are associated with spiritual, natural-cosmic, communal and family levels of thinking and the traditional Russian village existence.

Музыкальное содержание в аутентичном песенном фольклоре – выстроенный на протяжении длительного времени развития человека, закрепившийся и функционирующий в обряде мир смыслов, представляющий собой разветвленную систему многообразных субъективных явлений, а также их еще более многообразных сочетаний, функциональных отношений и процессов. Попытаемся

рассмотреть, как формировалась имманентная реальность аутентичного исполнителя, реальность, образующая интрореализм («внутренний, интроспективный реализм» по Е.Г. Зайделю) - внутреннюю трансцендентно-духовную, ментальную и эмоциональную жизнь народа и создаваемого им песенного обряда во всевозможных ее иерархических составляющих, в ее проявлениях сознательного и бессознательного. Как пишет Е.Г. Зайдель: «логика интрореализма, как можно убедиться, отражает новое дополнительное одухотворение» [8, 58]. Интрореализм как реальность души включает сферу имманентного со всеми его уровнями, а также эманулирующие с этих уровней потоки, обогащающие творческий мир человека, позволяющие жить наполненной гармоничной жизнью в функциональном единстве с объемлющим целым.

Об интонационной выразительной и этновыразительной стороне народной песни писали многие исследователи, среди которых Б.В. Асафьев [2], И.И. Земцовский [9], Э.Е. Алексеев [1] и другие. Мы же сейчас обратимся, прежде всего, к субъективной стороне народного песнетворческого процесса в целом. Такой подход может иметь не только научно-исследовательское значение, но и практический смысл в педагогическом процессе, направленном на подготовку исполнителей, способных глубоко и системно на новом этапе проникать в содержательную основу народной песни как таковой.

Субъективные явления в фольклорном содержании-смысле - это мотивационное пространство, то, что порождает и поддерживает обрядовый мир, который возник как отражение, зачастую не формулируемых вербально, коллективно-индивидуальных представлений человека о космосе, о природе и ее циклических процессах. Сознание человека и его представления формировались веками на основе встроенности человека в эту глобальную, обнаруживающую глубокий смысл и закономерность систему и на переживаемом подобии жизненного цикла человека природным циклическим процессам, затрагивающим и внешне-трудовую, и внутреннюю психологическую жизнь человека, непрерывно варьирующиеся отношения людей, вовлеченных в это бесконечное круговращение.

Общинная жизнь людей способствовала развитию синтезированной формы коллективного сознания вследствие теснейшей связи людей между собой, и, в то же время, формированию индивидуального сознания конкретного человека, являющегося членом общины. Как замечает И.А. Корсакова, «Важной особенностью методов создания коммуникативной среды является полное погружение участников в процесс коммуникации, и в этом процессе задействуются все экзистенциальные характеристики человека (не только *homo sapiens*): телесные, психические, интеллектуальные, духовные (ценностные, эстетические, мировоззренческие)» [10, 442]. Будучи частью общины, человек прочно впитывал качества, которые были свойственны сознанию общины, и в то же время у него формировался индивидуальный внутренний мир, сознание, органично воспринимавшее то, что его окружало. Это окружающее было природой, главным объективно-интегрирующим фактором, и, таким образом, развиваясь на лоне природы, и община, и конкретный общинный человек представляли собой неотъемлемую часть единого целого. Именно на лоне природы человек мог

остаться наедине с собой и с универсумом, задумываться о смысле жизни и мира и видеть небеса, землю и себя как стоящего между тем и другим.

Целостность, иерархичность и цикличность становились важнейшими компонентами мировосприятия, находя отражение в обрядах годового и жизненного циклов, в изустности передачи традиции, в строфичности и слоговой ритмичности народной песни, исполняемой единым тембром, и множестве других музыкальных составляющих – носителей глубочайшего музыкального содержания народно-песенного фольклора.

На этой универсальной основе, присущей космосу, психике и обряду, нередко имеющему магический смысл [11, 40-45], [9, 81], устанавливается то семантическое переплетение объективного и субъективного начал, которое характерно для обрядового уклада жизни традиционной русской деревни. При этом в сознании человека и традиционного сообщества осуществляется субъективизация объективного на основе индивидуально-субъективного и коллективно-субъективного восприятия человеком природных явлений и объективизация субъективного начал, реализуемая через глубокую включённость субъекта в общину и природное целое и созвучие самого восприятия человеком окружающей вселенной эффектам взаимозависимости явлений самой этой вселенной (весеннее возвращение солнца, сопровождающееся пением птиц, появлением первой зелени и т. д.). Это приводит, с одной стороны, к восприятию природы как одушевленного начала, с другой – к надличностному пониманию даже таких событий личной жизни, как свадьба. Последняя в обрядовом контексте существования трактовалась не только и не столько как исполнение желаний молодых людей, создающих семью, но прежде всего как исполнение индивидуумами своего долга перед родом и высшего универсального закона вечного возобновления, повелевающего жить в единстве и служить проявлением вечной жизни. Церковный календарь связывал ритмику солнечного круга с самой возможностью проведения свадебного ритуала и с божественно-сакральной ритмичностью, стоящей за видимым и невидимым. В то же время энергетика человека также обнаруживала свою зависимость от состояний природного бытия, и с этим связаны, например, и обращение к земле с просьбой «поделиться» силой для осуществления земледельческих работ, и коллективные усилия людей, мыслящиеся как фактор в процессе пробуждения спящей природы. Так осуществлялись своеобразный энергообмен и таинственная взаимопомощь, связывающие человека с миром, в котором он жил.

Так выстраивался внутренний (интроспективный) и внешний (обрядово-жизненный) гомеостаз – состояние динамического равновесия, саморегуляции и скоординированности почти автоматизированных реакций открытой во внешнее пространство системы, обеспечивающих способность к длительному устойчивому пребыванию, сохранению самоидентичности и возможности жить и развиваться как органическое единство. Гомеостаз жизнеспособного организма является хорошей моделью для описания внутреннего гомеостаза в сознании и идеала организации общества [13, 67], но именно достигнутый гомеостаз в сознании позволял работать гомеостазу общинной жизни на фоне природного гомеостаза и в

гомеостатической включённости в него, несмотря на возвышение человеческого сознания над уровнями физического, биологического и адаптивно-инстинктивного механизмов достижения гомеостатичности.

«Невозможно понять человеческую жизнь, не принимая во внимание высшие жизненные устремления» [13, 40], - писал А. Маслоу. Страдания человеческого Я в отрыве не только от общества, но и от духовного начала подчеркивал К.Г. Юнг [15, 50]. Человек – не только часть природы и часть общины. Космичность мирозерцания, значимость которого отмечала Л.Г. Бергер [5], не может быть отделена от внутреннего духовного мира человека. Гармония и величие мироустройства позволяли человеку ощутить божественное начало во всем. Способность интеграции и соучастия в осуществлении всеобъемлющего закона периодичности воспринимались как свидетельство божественности природы и духовного начала в человеке. Божественное начало человеческой жизни воспринималось как Род, проявляющийся через народ и природу как два неотделимых друг от друга аспекта, по отношению к которым Он сам выступал как третий - порождающий и синтезирующий - фактор, погруженный, по выражению И.И. Громова и А.И. Щербаковой, в «единое пространство — звучащее пространство бытия, где царствует красота и гармония» [7, 4]. Последнее было сказано в связи с античностью, но при всем внешнем несходстве и несопоставимости явлений, нельзя не отметить глубокое сущностное единство сознания юности европейской цивилизации и сохранившегося и поныне, но во многом утраченного цивилизованной средой, духовно-космического, целостно-гармонического мировосприятия традиционной народной культуры.

В сознании человека можно обнаружить целую иерархию духовных уровней, которые большей частью выступают как коллективное бессознательное, но свидетельствуют о своем существовании, в частности, в виде феномена всеобщего для традиционного общества музыкально-обрядового творчества. В этом мы можем увидеть переплетение и того, что эманурует с высших, можно сказать, божественных, трансцендентных уровней коллективного бессознательного, соответствующих изначальному единству, и того, что отвечает за вытекающую отсюда целостность человека и природы, общины, семьи как части общины, и того, что – и это исключительно важно - обеспечивает целостность самого человека традиционной системы жизни.

Такая внутренняя целостность природного человека весьма контрастирует внутренней расколотости человека современной западной цивилизации, его внутренней дезинтегрированности, проявляющейся, несмотря на общее стремление к комфорту, во взаимном отчуждении людей, в их конкуренции и вражде, в ненависти и войнах, в экологических катастрофах и экономических кризисах, и, в конечном итоге, в трагической оторванности от высшего Источника жизни, нравственности и самого существования. В традиционном обществе человек, независимо от своего уровня развития, – всегда представитель и, одновременно, часть всех уровней сознания, являющегося всеобщим достоянием.

Род в проекции на индивидуума становился стержнем его бытия; природно-космическое становилось основой интуитивного постижения всеобщей

целостности; общинное определяло долг, обрядовое сознание и коллективный труд; семейное, связанное с личными отношениями, формировало преимущественно эмоциональную жизнь; в то время как биологическое, включающее потребности выживания и удовлетворения потребностей, а также низменное начало находило свое место в результате контроля со стороны перечисленных высших иерархических слоев и общественного мнения.

Универсальное Имманентное Единство, или Высшее Я, и интуитивное постижение этой целостности в основном были высшими составляющими коллективного бессознательного. Общинное частично осознавалось, но всё же присутствовало и за пределами явно осознанного, сохраняя свою сакральность, которая пронизывала и наиболее осознаваемую семейно-эмоциональную и биологическую жизнь. Именно с биологического уровня существования человека начинала вновь расширяться сфера бессознательного (образуя низшее бессознательное), которая через таинство биологического могла распространяться на восприятие природы, таинственным образом резонируя с высшим бессознательным.

Высшие слои коллективного бессознательного становились источниками информационными «посланий» и жизненно важных установок, того, что заново объединяет человека с природными законами, всего того, что в той или иной степени существует не только в жизни человечества, но и в жизни растительного, животного и невидимого духовного миров, того, что проявляется в последовательности продолжения рода, обновления и вечного существования, того, что в своей совокупности составляет обрядовую реальность.

Обрядовая реальность объединяет два вида реальности – это внутренняя, имманентная интрореальность бытия души народа, сформированной из множества человеческих душ, и обрядовое действие как внешнее выражение, воплощение этой внутренней реальности в видимой и слышимой форме-активности. Налицо область имманентного смыслового ядра и экстерииорирующего «развертывания». Это скрещение нисходящего потока-эманации и энергообмена между участниками обряда. И потоки, и участники обряда становятся активными в природно-пространственном «резонаторе», ибо резонативность и потенциальность – важнейшие свойства пространства, всегда готового принимать и распространять звуки, вмещающего в себя различные проявления всего сущего на всех его уровнях от физического до трансцендентного и позволяющего перемещаться в себе предметам, людям и любым формам, и, таким образом, творить обряд.

Эманирующий свыше поток выражается далее в обрядовом интегральном тембре голосов живой природы человека, который, в свою очередь, вобрал этот поток, соединил с потоком потенциальности пространства, и, наконец, выплеснул этот синтез в обрядовом тембре своим, природой данным физическим голосовым аппаратом как обрядо-тембро-информацию, своеобразный обрядовый тембро-код, в котором «свернулась» в суперконцентрированном виде вся семантическая космичность народного звукоизъявления.

Это воистину глас народа, который, по устойчивому выражению, есть «божий глас».

Как пишет А.Г. Алябьева, «Темброформа обладает коммуникативными возможностями и может рассматриваться в качестве «информационного кода безграничного мира» при обращении к артефактам традиционной музыкальной культуры» [3, 21]. При этом «народный глас» соиздателен по своей сути, так как изначально божественно-соиздательна воспринимаемая человеком природно-космическая информация, и направлен на поддержание бесконечного живительного потока, проявляющегося через народ в целом.

Мы видим, как соединяясь в обрядовом тембротворчестве, все семиотические уровни сознательного и бессознательного подготавливают следующий закономерный этап – экстериоризацию. Она основана, прежде всего, на творчески наполненном, абсорбирующем весь предыдущий смысловой комплекс, «смысло-дыхании», то есть дыхании, возникшем с целью воплощения смысло-импульса, и готовом - через певческий звук - обрести способность этот внутренний смысл передавать окружающему пространству. Певческое циклическое обрядовое дыхание само становится одним из факторов, объединяющих фольклорно-аутентичный ансамбль, и по смысловому наполнению также становится групповым, коллективным. Вместе с тем, оно корректируется соответствующими дальнейшему обрядовому тембровыражению физиологическими действиями голосообразующей системы аутентичного певческого исполнителя, давая жизнь циклически функционирующему обрядовому тембру певческого голоса.

Обрядовая осмысленность, концентрация на интегральном содержании, коллективная энергетизация и исключительная согласованность с другими участниками певческого ансамбля, свобода, естественность и спонтанность – вот фундаментальные свойства, которые отличают неповторимое аутентичное народное звукоизвлечение.

Цикличность самой звуковой темброобразующей вибрации, распространяющейся в реальном пространстве и времени, периодичность музыкально-слоговых форм и музыкально-текстовых строф, подобие гетерофонных вариантов дополняются крупномасштабными ритмами - возобновляющегося обряда, входящего также в группу обрядов, например, данного праздника (Рождества, Масленицы и т. п.), годового цикла, жизненного цикла, обрядовой жизни сменяющихся поколений. Это соотносится также с пространственно-расширяющейся структурой традиций - данной деревни или села, различных масштабов локальности и региональной стилистики - и, наконец, со звучанием обряда в народе и звучанием народа в обряде на основе включенности в планетарные и космические ритмы.

Одновременно с этим процессом развивается человеческое сознание, охватывая и включая в повседневную жизнь извлеченные благодаря длительному опыту и наблюдениям знания о вселенной, становящиеся неотъемлемой содержательной частью жизни людей из поколения в поколение, из века в век. В аутентичном обрядовом песнетворчестве слились в многовековом сосуществовании пространство и время, смысл и форма материального проявления, жизнь и обрядовое звучание. Поэтому в народе петь было столь же естественно, как говорить.

Особое звучание обретает смысл воспроизводимых в обряде песен, когда аутентичные исполнители искали и находили его в самих себе, в духовном пространстве и в окружающем мире, воплощая этот постигнутый смысл в живой обрядовости, которая, буквально, была атрибутом этого смысла. Важнейшими истоками обрядов становились непреходящие духовные ценности, связанные в аутентичном творчестве с особой ответственностью исполнителей, продиктованной стремлением достичь точного соответствия исполнения требованиям обряда, и, следовательно, объективным процессам, происходящим в природе в конкретный период времени. Подобная ответственность была связана с обрядовой мотивацией. Мотив всегда был одним – исполнить Божественную Волю, и именно этим, а не ограниченностью сознания, было обусловлено стремление к точности проведения обряда и адекватности интонирования, в котором всегда мы можем уловить дух вечного, непреходящего.

Итак, содержание песенного фольклора обладает универсальностью, проявляясь и функционируя в троичности своих важнейших содержательных компонентов: целостности, иерархичности и цикличности. В свою очередь, последние три включают мотивацию, предстающую в виде цели, которая выступает в качестве проводника изначальной универсальности, становящейся, таким образом, универсальностью не статической, а динамической, целенаправленной, преобразующей. Сама цель также неотделима от творческой воли – своеобразного двигателя всего творческого процесса. Мотивация, цель и воля соединяются в синтетическом пространстве и в нисходящем динамическом потоке, пробуждая в человеке спящие латентные духовные силы, способны преобразовать реальность.

Модель творческого процесса может быть представлена следующим образом. Первоначальная воля-мотивация, берущая начало из центра Абсолюта, изливается вдохновляющим потоком. Человек воспринимает этот божественный поток, и, наполняясь его животворящей силой, обретает в себе духовно-творческую энергию для созидательной работы и творчества. Пространство, вбирая смысло-творческий информационный вихрь, передает его динамичность, «космологически» расширяясь и охватывая этой волной все сущее.

При этом каждый обряд предполагал некую «планируемую реконструкцию», составляющую центральный практический элемент техники психосинтеза Роберто Ассаджиоли [4]. Свадьба и включенные в нее песни должны были помогать осуществить переход невесты в иное качество, обеспечить доброе будущее семье и потомству, оградить от напастей. Другим типичным мотивом было обеспечение будущего урожая. Каждый обряд был своего рода «благословением» общины для выполнения требований законов рода, традиций и т. д., итогом общинного бытия, совмещенного с бытием природы и бытием как таковым.

Планируемая реконструкция имела также еще одну составляющую: энергетико-творческую, восходящую к трансцендентной сфере. Участвуя во всеобщем бытии, человек чувствовал себя сотворцом и действительно являл чудеса творчества в столь массовом масштабе, что это становилось воплощением бердяевской

антроподицеи (оправдания человеческого существования посредством творчества) [6].

Поющие аутентичные исполнители всегда преображались. Л.В. Шамина, подытоживая полевые наблюдения многих фольклористов, говорит о глубочайшем погружении аутентичных народных певцов в певческий процесс, в который они вкладывают всю Душу и «нередко впадают в состояние медитации» [14, 21]. По свидетельству Е.Е. Линёвой, исполнители порой сами диву даются, откуда в них вдруг берется способность петь без усталости, без конца и края [12, xxix]. Особые состояния сознания аутентичных исполнителей, их духовные переживания, вдохновение и экстатичность, сопровождавшие обряды, становились некой духовно-трансцендентной реальностью, оказывая влияние на физический внешний мир, трансформируя и развивая его.

В песенно-обрядовом творчестве достигалась гармония духовного и внешнего мира человека, гармония самих духовных миров, пребывающих в каждом, и, таким образом, гармония межчеловеческих отношений. Так через обряд и песню достигалась гармония группы людей и гармония нации, что вело к расширению этого процесса объединения гармонией: объединения нации и человечества в целом, человечества и природы, ибо в этом нельзя не увидеть и прообраз мировой гармонии различных народов с природой-временем-пространством.

В аутентичном народном творчестве цель и процесс – едины. Цель аутентичных певцов – сотворить Божий обряд, который порождал пение и обрядовое творчество, в результате достигалась смысловая тождественность внешне отнюдь не тождественных компонентов. В аутентичном творчестве обрядовая жизнь становилась и потребностью, и смыслом жизни – жизни, дающей и физическое, и духовное питание. Обряд приносил в своем циклическом проявлении новую жизнь. Смысл насыщал обряд энергией, человек черпал энергию в обряде и вновь воспроизводил его с новой силой и воодушевлением, приходящим свыше благодаря обряду.

И в этой циклично-иерархической реальности обряда человек познавал мир в себе, и себя в мире, и солнечная Цель в бесконечном и непрерывном процессе познания-реализации также становилась бесконечной, как и сам мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Э.Е. Ранне-фольклорное интонирование: звуковысотный аспект [Текст] / Э.Е. Алексеев. – М.: Сов. комп., 1986.
2. Асафьев, Б.В. О народной музыке [Текст] / Сост. И. Земцовский. А. Кунанбаева. – Л.: Музыка, 1987.
3. Алябьева, А.Г. О природе континуальных и дискретных свойств темброформы [Текст] / А.Г. Алябьева // Культурная жизнь Юга России. № 4 (42). – Краснодар: КГИК, 2011. – С. 19 – 21.
4. Ассаджиоли, Р. Психосинтез: принципы и техники [Текст] / Р. Ассаджиоли // Пер. с англ. – М.: Психотерапия, 2008.
5. Бергер, Л.Г. Звук и музыка в контексте древних космических представлений: Пространственный образ как модель художественного стиля [Текст] / Л.Г. Бергер. – Тб., 1989.

6. Бердяев, Н.А. Смысл творчества [Текст] / Бердяев Н.А. // Философия творчества, культуры и искусства. Т.1. – М., 1994. – С. 37 – 341.
7. Громов, И.И., Щербакова, А.И. Феномен универсализма в истории культуры [Текст] / И.И. Громов, А.И. Щербакова // Человеческий капитал. Научно-практический журнал. № 9 (93). – М.: Изд-во РГСУ, 2016. – С. 3 – 5.
8. Зайдель, Е.О природе музыкального интрореализма в свете парадигмы стихии эфира [Текст] / Е.Г. Зайдель // Традиции и перспективы искусства как феномены культуры: Сборник статей по материалам Международной научной конференции Академии имени Маймонида Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) 13-16 апреля 2018 года / под общ. науч. ред. Я. И. Сушковой-Ириной; ред.-сост. М. А. Казачкова. – М.: Академия имени Маймонида, 2018. – С. 57 – 65.
9. Земцовский, И.И. Мелодика календарных песен [Текст] / И.И. Земцовский. – Л.: Музыка, 1975.
10. Корсакова, И.А. Особенности коммуникации педагога и обучающегося в современной парадигме образования [Текст] / И.А. Корсакова // Музыкальное искусство в контексте современных проблем культуры и образования. Вып. 2. – М.: ООО издательство «Согласие», 2017. – С. 439 – 444.
11. Круглов, Ю.Г. Обрядовые песни [Текст] / Ю.Г. Круглов. – М.: Высшая школа, 1982.
12. Линева, Е.Е., Корш, Ф.Е. Великорусские песни в народной гармонизации. Т. 1-2 [Текст] / Е.Е. Линева, Ф.Е. Корш. – М.: Книга по требованию, 2015.
13. Маслоу, А. Мотивация и личность. 3-е изд.[Текст] / А. Маслоу // Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2018.
14. Шамина, Л.В. Школа русского народного пения [Текст] / Л.В. Шамина. – М., 1997.
15. Юнг, К.Г. Аналитическая психология и психотерапия [Текст] / Сост. В.М. Лейбин. – СПб., 2001.